

ДИСКУССИИ

ЧТО ТАКОЕ АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Л.Б. Макеева

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ФЕНОМЕН*

Макеева Лолита Брониславовна – доктор философских наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: lmakeeva@hse.ru

На протяжении последних десятилетий аналитическая философия, ее отличительные черты, источники и основные представители стали предметом широкой и интенсивной дискуссии. Будучи доминирующим философским направлением в философии XX в., аналитическая философия была представлена некоторыми исследователями как очень проблемное явление – с неопределенным прошлым, нынешним кризисным состоянием и бесперспективным будущим. Так, согласно А. Престону и Г.-Й. Глоку, аналитическая философия существовала как своего рода иллюзия, т. е. в силу того, что некоторые мыслители верили в ее существование. В настоящей статье утверждается, что эти скептические выводы были получены, поскольку, во-первых, аналитическая философия была истолкована как философская школа или направление, связанное с какой-либо определенной позицией, и, во-вторых, ошибочно предполагалось, что философской школе можно дать определение в виде совокупности необходимых и достаточных условий для принадлежности к этой школе. Аналитическая философия представляет собой историко-философский феномен иного рода, который нужно описывать, следуя ведущим российским историками философии (А.Ф. Грязнову, Н.С. Юлиной и др.), как движение, обладающее отличительным стилем философствования. В статье показывается, как можно развить понятие стиля философствования на основе идеи «стиля мышления» Л. Флека и концепции «личностного знания» М. Полани. Кроме того, с помощью этого понятия подвергается критике предложение П. Хакера значительно сузить границы аналитической философии в пространстве и времени. Утверждается, что если рассматривать ее таким образом, то многие важные достижения и отличия аналитических философов нельзя оценить по достоинству.

Ключевые слова: аналитическая философия, история философии, стиль философствования, философская школа, философское направление, стиль мышления, личностное знание

* Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

В последние несколько десятилетий аналитическая философия оказалась в центре широкой дискуссии, касающейся ее истории, нынешнего состояния и будущего. Интерес к такого рода вопросам вполне оправдан и естественен, однако в данном случае обсуждение сопровождалось небывалым – для подобных дискуссий – накалом страстей. Связано это с тем, что аналитическая философия, считающаяся доминирующим философским направлением в XX в., демонстрирующая грандиозные успехи в своем развитии, вдруг была представлена как крайне проблемное явление – с неопределенным прошлым, кризисным настоящим и бесперспективным будущим. И дело здесь не просто в том, что исследователи аналитической философии разошлись в своих оценках того, с чего она начиналась, кого можно отнести к ее основным представителям, какие этапы она прошла в своей эволюции и т. п. Подобные расхождения никого бы не удивили – ведь историки философии часто спорят по таким вопросам. В рассматриваемой дискуссии дела обстоят намного драматичней, ибо многие ее участники проявили удивительное единодушие в своем признании того, что на указанные вопросы, по сути, нельзя дать приемлемого ответа, поскольку непонятно, в чем состоит природа аналитической философии, что придает ей единство как философскому направлению.

Этот вывод о проблематичности аналитической философии как таковой был получен в результате того, что исследователи подошли к ней как к определенной философской школе или философскому течению и попытались найти то общее (аспект учения, принцип, метод и т. п.), что отличало бы ее от всех других философских школ и учений. Однако эти попытки столкнулись с непреодолимыми трудностями. На протяжении долгого времени в аналитической философии считалось, что ее отличает от других философских направлений современности приверженность методу анализа, но, охарактеризованный в самых общих чертах, этот метод следует признать присущим многим мыслителям прошлого, таким как Аристотель, Р. Декарт и др.¹ Если же этот метод описать в более современных терминах, то, как утверждает британский философ Р. Монк², к аналитическим философам пришлось бы отнести Г. Фреге, Б. Рассела, А. Мейнонга и Э. Гуссерля, а вот Л. Витгенштейна нужно было бы из их числа исключить. Не помогло здесь и предложенное М. Даммитом определение аналитической философии как философского течения, осуществившего лингвистический поворот, т. е. аналитических философов, по его мнению, объединяет «убеждение в том, что, во-первых, философского понимания мышления можно достичь посредством философского осмысления языка и, во-вторых, только таким образом можно достичь исчерпывающего понимания мышления»³. Как показал Монк, если принять определение Даммита, то даже Рассела

¹ Справедливости ради следует сказать, что это хорошо понимали и более ранние авторы, писавшие об аналитической философии, но они не видели в этом особой проблемы. Так, А. Пап в книге «Элементы аналитической философии» пишет: «История аналитической философии, если она когда-нибудь будет написана, не должна начинаться с двадцатого века. Она могла бы дойти до самого Сократа, поскольку сократическая “диалектика” есть не что иное, как метод прояснения значений, применяемый прежде всего к моральным терминам. К тому же, многие из трудов Аристотеля состоят из логического анализа... И особенно так называемые британские эмпирики Локк, Юм, Беркли и их последователи занимались философией преимущественно как аналитическим методом» (*Pap A. Elements of Analytic Philosophy. N. Y., 1949. P. vii*).

² См.: *Monk R. What is Analytical Philosophy? // Bertrand Russell and the Origins of Analytic Philosophy. Bristol, 1996. P. 11.*

³ *Dummett M. Origins of Analytic Philosophy. L., 1993. P. 4.*

нельзя признать аналитическим философом, не говоря уже о Муре⁴. Более того, согласно исследованиям Хакера⁵, аналогичный вывод правомерен и в отношении самого Фреге, хотя, как известно, с точки зрения Даммита, лингвистический поворот берет свое начало именно с «Оснований арифметики» Фреге. обстоятельный анализ различных позиций, которые могли бы претендовать на роль отличительного признака аналитической философии, провел немецкий исследователь этой философии Глок в своей книге «Что такое аналитическая философия?». Составив целый список разных типов определения аналитической философии (доктринальных, тематических, методологических, стилистических, генетических, географических и т. п.), он последовательно показал, что ни один из них не позволяет определить ее природу и очертить ее границы.

Какое же заключение можно сделать на основании всех этих исследований? Либо то, что аналитическая философия не является философской школой или течением в обычном их понимании, либо то, что с ней, как с философской школой или течением, что-то не в порядке. Из сказанного выше нетрудно догадаться, что многие авторы выбрали вторую альтернативу – так важной темой для обсуждения стал «кризис идентичности», переживаемый аналитической философией⁶. Одним из первых на такого рода кризис указал Г. фон Вригт в своей статье «Аналитическая философия: историко-критический обзор», опубликованной в 1993 г.⁷ Усмотрев в пугающем доктринальном и методологическом разнообразии аналитической философии признак утраты ею своей идентичности, фон Вригт, правда, более серьезным проявлением ее кризисного состояния счел неспособность дать адекватный ответ на главные вызовы времени. Однако тему кризиса идентичности быстро подхватили и развили другие авторы. Глок в уже упоминавшейся книге «Что такое аналитическая философия?» утверждает, что аналитические философы воспринимали себя как единое течение лишь потому, что не осознавали отсутствия какого бы то ни было объединяющего их начала, но как только в силу пробудившегося у них интереса к собственной истории они осознали это, аналитической философии пришел конец. Впрочем, утешиться аналитические философы могут тем, что «смерть вследствие исторического самосознания, возможно, не худший способ уйти»⁸. К такому же выводу, только еще более радикально выраженному, пришел и американский философ А. Престон, объявивший аналитическую философию просто «иллюзией». По его словам, «исследования по истории аналитической философии показали, что общепринятое представление о ней было просто маскировкой, которая позволила нефилософской группе в разнообразных географических регионах захватить доминирующее положение в академической философии, выдавая себя за философскую школу»⁹.

⁴ Monk R. Was Russell an Analytic Philosopher? // *The Rise of Analytic Philosophy*. Oxf., 1997. P. 36.

⁵ См.: Hacker P. *The Rise of Twentieth Century Analytic Philosophy* // *The Rise of Analytic Philosophy*. Oxf., 1997. P. 52.

⁶ Подробнее об этом см.: Джохадзе И.Д. Аналитическая философия сегодня: кризис идентичности // *Логос*. 2016. Т. 26. № 5. С. 1–18.

⁷ Русский перевод этой статьи был опубликован в 2013 г. в «Кантовском сборнике», см.: Вригт Г.Х. фон. Аналитическая философия: историко-критический обзор // *Кантовский сборник*. 2013. № 1(43). С. 78–89; № 2(44). С. 69–82.

⁸ Glock H.-J. *What is Analytic Philosophy?* Camb., 2008. P. 2.

⁹ Preston A. *The Implications of Recent Work in the History of Analytic Philosophy* // *Bertrand Russell Society Quarterly*. 2005. No. 125. P. 30.

Думаю, многие согласятся с тем, что вряд ли стоит относиться всерьез к подобным заявлениям, но ведь они – итог доведенного до логического конца рассуждения, исходной посылкой которого послужила идея о том, что аналитическую философию следует рассматривать как философскую школу или течение. Стало быть, они подрывают доверие к этой исходной посылке, однако признать ее ложной только на этом основании неправильно, поскольку в ее пользу имеется очень сильный аргумент. Дело в том, что в историко-философских исследованиях причиной для выделения того или иного философского направления или течения всегда служило совпадение во взглядах по тем или иным ключевым вопросам у философов, относимых к этому направлению. Это означает, что объединять философов вместе имеет смысл только тогда, когда у них есть общая позиция. Этот подход применяется и в отношении очень широких направлений, таких как рационализм и эмпиризм XVII–XVIII вв., и в отношении небольших школ. Конечно, в историко-философской практике используются и иные – географические и временные – основания для выделения групп мыслителей. Так, мы говорим, к примеру, о французской философии XVIII в., но в этом случае эти образования не воспринимаются как, собственно, философские течения, тогда как аналитическая философия совершенно справедливо претендует на нечто большее, чем просто быть философией, существующей в определенных странах и в определенный период времени. Почему же в таком случае нам следует отойти от устоявшейся практики и признать аналитическую философию новым историко-философским феноменом, требующим расширить концептуальные средства, используемые историками философии? Этот вопрос непростой и в настоящей статье я не претендую на исчерпывающий ответ; я ограничусь лишь некоторыми соображениями в пользу необходимости такого шага. Однако прежде я хотела бы высказать еще одно возражение против рассматриваемого подхода к пониманию природы аналитической философии. Для обозначения этого подхода я воспользуюсь названием, предложенным А. Престоном. Вслед за ним я буду именовать этот подход «историей новой волны»¹⁰.

На мой взгляд, историки новой волны не только исходили из неверной посылки в отношении аналитической философии, но и привнесли в ее изучение несвойственные для историко-философского исследования жесткие требования. Я имею в виду то, что в своем поиске отличительных особенностей аналитической философии, которые позволили ли бы четко очертить ее границы и, стало быть, определить, кто является аналитическим философом, а кто – нет, историки новой волны видят в таких особенностях своего рода лакмусовую бумажку, действующую по принципу «да или нет». При этом предполагается, что этим отличительным особенностям можно дать простые и общие формулировки, которые будут содержать в себе необходимые и достаточные условия для выделения соответствующего множества философов. Так, Хакер в своей статье «Аналитическая философия: что такое, откуда и куда?», сформулировав сначала список аналитических философов (в который он включил представителей Кембриджской школы анализа (Рассела, Мура, раннего Витгенштейна, Броуда, Рамсея, Брейтуэйта, раннего Уиздома и Стеббинга), ведущих членов Венского кружка (Шлика, Карнапа, Нейрата и др.) и Берлинского общества эмпирической философии Рейхенбаха и Гемпеля), послевоенных Оксфордских философов (Райла, Айера, Нила, Остина, Стросона, Грайса и др.), ряд учеников позднего Витгенштейна (фон

¹⁰ Preston A. The Implications of Recent Work in the History of Analytic Philosophy. P. 15.

Вригта, Малкольма, Блэка), а также самого позднего Витгенштейна), затем рассмотрел и отвергнул семь характеристик, претендующих на роль отличительной особенности аналитической философии (приверженность анализу, антипсихологизм в логике, логический анализ, лингвистический поворот, отвержение метафизики и др.). Свой анализ он обобщил следующим образом: «Если приведенный выше список философов аналитического движения оправдан, то представляется очевидным, что ни одна из семи характеристик не позволяет их всех поймать в сети, если только не ценой искажений. И никакое сочетание этих черт не даст множества условий, которые были бы по отдельности необходимы, а совместно достаточны для этого»¹¹. Не поможет решению этой задачи, по мнению Хакера, и предложение рассматривать аналитическую философию как понятие, образованное по принципу «семейного сходства». Учитывая, что в этом случае допускаются не только уже имеющиеся сочетания сходных черт, но и все возможные их будущие сочетания (в силу того, что понятия, образованные по принципу «семейного сходства», эволюционируют во времени), это приведет к тому, что понятие аналитической философии лишится «своей первоначальной полезности как историческая категория, поскольку оно будет собирать в свои сети что-то намного большее, чем аналитическое движение нашего столетия»¹².

Нужно отдать должное Хакеру, что он не ставит под сомнение существование аналитической философии, хотя и жестко ограничивает ее, судя по составленному им списку аналитических философов, в пространстве и времени. Вместе с тем, отвергая, как он говорит, «аналитический» подход к определению аналитической философии, он делает это не потому, что подобный подход неприменим в историко-философском исследовании, а потому что в случае аналитической философии он не дает нужного результата. Другие же историки новой волны, такие как Престон и Глок, считают этот подход просто незаменимым. Однако нетрудно показать, что его применение и к другим философским течениям дало бы сходный результат. Возьмем, к примеру, термин «критический реализм». Историки философии используют его для обозначения довольно неоднородного течения в европейской и американской мысли второй половины XIX в. и первой половины XX в. В результате этим термином охватываются и немецкие представители реалистического крыла неокантианства, и британские последователи Шотландской школы здравого смысла, и американские философы, выступившие в 1920 г. с программным сборником «Очерки критического реализма. Совместное исследование проблемы знания». Все эти философы называли себя критическими реалистами и разделяли убеждение в том, что независимая от сознания реальность дана субъекту познания опосредованно, через определенные репрезентации в его сознании. Если с позиций «аналитического» подхода мы будем считать это убеждение необходимым и достаточным условием для принадлежности к критическим реалистам, то нам придется включить в их число многих других философов, поскольку в такой общей формулировке это убеждение далеко не уникально. Однако вряд ли это обстоятельство делает «критический реализм» бесполезной исторической категорией. Историки философии хорошо осознают условный характер такого рода «измов» и не требуют от них слишком многого, но это вовсе не мешает им раскрывать специфику того или иного течения и очер-

¹¹ Hacker P. Analytic philosophy: what, whence, and whither? // *Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes*. L., 1998. P. 13.

¹² Ibid. P. 14.

чивать его границы. Арсенал используемых ими средств достаточно велик, и строгое определение соответствующего «изма» занимает в нем далеко не ведущее место.

Впрочем, если мы откажемся от «ригоризма» историков новой волны и не будем применять «аналитический» подход к аналитической философии, это все равно не позволит нам трактовать ее как определенный «изм» даже в самом нестрогом его смысле, ибо демонстрируемое ею доктринальное и методологическое разнообразие не укладывается ни в какие «измы». Итак, я возвращаюсь к вопросу о том, что представляет собой аналитическая философия в историко-философском плане. Что позволяет нам видеть в ней определенное течение мысли или движение, что служит ее объединяющим началом? Мой ответ на этот вопрос вполне ожидаем. Я полагаю, что если аналитических философов что-то объединяет в единое движение, так это определенный стиль философствования.

Эта идея совершенно не нова, особенно для отечественной философии. Именно так определял аналитическую философию ее крупнейший знаток в нашей стране А.Ф. Грязнов. По его мнению, аналитический стиль философствования отличает «строгость, точность используемой терминологии, осторожное отношение к широким философским обобщениям и спекулятивным рассуждениям», особое внимание к «аргументированной убедительности идей», опора, во многих случаях, на «формальную логику, эмпиристскую эпистемологию, данные науки»¹³. А.Л. Никифоров также уверен в том, что аналитическая философия «характеризуется не позициями или точками зрения, не кругом рассматриваемых проблем, а, скорее, особым подходом к решению этих проблем, специфическим стилем философствования»¹⁴, поэтому ее неверно ставить в один ряд с такими философскими направлениями, как позитивизм, материализм и т. п. В сходном духе высказываются и многие западные авторы. Так, согласно А. Строллу, аналитическая философия «представляет собой не столько особое учение, сколько свободную конкатенацию подходов к решению проблем»¹⁵.

Однако здесь правомерен вопрос: что же имеется в виду под «стилем философствования»? На первый взгляд, это понятие является интуитивно ясным, хотя дать ему определение представляется чрезвычайно трудным делом. Предполагается, что оно характеризует, так сказать, формальную, а не содержательную сторону мышления философов, т. е. не то, о чем они мыслят, а как они это делают. В силу этого данное понятие применимо к любому философскому направлению, но поскольку, в отличие от аналитической философии, другие направления могут быть охарактеризованы содержательно, к его услугам прибегают не так часто. Кроме того, предполагается, что можно провести различие между стилем философствования и философским методом. Считается, что метод в значительно большей степени допускает артикулированное выражение, а порой (в случае аналитической философии) и формализацию; он может быть представлен в виде последовательности шагов, выполняемых в соответствии с определенными правилами и принципами. Это понятие обычно используется для обозначения довольно конкретных процедур, таких, скажем, как метод логического конструирования Рассела или метод экстенционала и интенционала Карнапа, разработанный им в ка-

¹³ Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. М., 2006. С. 13–14.

¹⁴ Никифоров А.Л. Аналитическая философия // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 49.

¹⁵ Stroll A. Twentieth-Century Analytic Philosophy. N. Y., 2000. P. 5.

честве метода семантического анализа. В отличие от метода стиль философствования выражает нечто более неопределенное и аморфное, что не всегда поддается вербализации. Если это так, то резонно спросить: может ли подобное понятие помочь историку философии выразить специфику аналитического движения? Ведь тот перечень черт аналитического стиля философствования, который приводят сторонники этого подхода, вряд ли способен это сделать. Не уходим ли мы от проблемы, обращаясь к столь непроясненному концептуальному средству? В условиях развернувшейся острой дискуссии о природе философии этот вопрос приобретает особую актуальность.

Для полноценного ответа на этот вопрос, безусловно, потребовалось бы подробно охарактеризовать и проанализировать понятие стиля философствования; выстроить, так сказать, его теорию, но на настоящий момент я готова лишь высказать ряд соображений, которые, с одной стороны, покажут, в каком направлении можно было бы разрабатывать это понятие, а с другой стороны, позволят наметить стратегию ответа на указанный вопрос.

Во-первых, на мой взгляд, стиль философствования следует рассматривать не как некую формальную сторону философского мышления, а как его интегральную характеристику, увязывающую воедино многие аспекты творчества философов. Такой взгляд подсказывает идея «стиля мышления» польского ученого и философа Л. Флека. Опираясь на эту идею, В.Н. Порус охарактеризовал научный стиль мышления как целостный и довольно сложный «конструкт», изучать который нужно в нескольких ракурсах или «проекциях» – методологической, социологической и психологической. В самых общих чертах он представляет собой «свод методологических регулятивов», которые, с одной стороны, тесно увязаны с фундаментальными принципами, нормами и идеалами науки, а с другой, интериоризируются в системах взглядов, установок и стереотипов мышления ученых и, кроме того, закрепляются в различных институциональных формах¹⁶. Это означает, что стиль мышления нельзя раскрыть в отрыве от его содержательных аспектов и той практики, в условиях которой это мышление осуществляется.

Безусловно, стиль мышления ученых кардинально отличается от стиля мышления философов – хотя бы тем, что научное мышление включено в значительно более сложно организованную (в когнитивном, методологическом и институциональном отношении) и более жестко регламентированную систему практик. Поэтому научный стиль мышления, по-видимому, обладает лучшей структурированностью, а включенные в его структуру элементы легче идентифицировать, однако это нисколько не мешает рассматривать стиль философствования по аналогии с ним.

Понимаемый как сложный конструкт, соединяющий в себе разнообразные аспекты творчества философа или группы философов, стиль философствования вполне может выражать специфику разрабатываемой этим философом или этой группой философии. Но это не означает, что историку философии нужно специально описывать стиль философствования изучаемого им направления, чтобы передать его (направления) особый характер. Как правило, это может достигаться автоматически при изложении взглядов философов – через воспроизведение того, как они обосновывают то или иное положение, каким образом критикуют тезисы оппонентов и т. п., то есть через демонстрацию их стиля философствования как интегральной характеристики. Конечно, историк философии может охарактеризовать этот стиль,

¹⁶ См.: Порус В.Н. Стиль научного мышления // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 931–933.

перечислив его основные черты, но этому перечню отнюдь не отводится роль чего-то такого, что уникальным образом определяет данный стиль. Возьмем, к примеру, такую черту, как преимущественное внимание к обоснованности и аргументированности выдвигаемых положений, которую часто используют при описании аналитического стиля философствования. Совершенно очевидно, что она не уникальна и можно найти немало философов в прошлом, к которым она применима. Однако если мы сопоставим, как эта черта воплощается, скажем, в творчестве Декарта и Карнапа, если учтем общий контекст, в котором эти мыслители рассуждают, обосновывают, критикуют, объясняют и т. п., то вряд ли мы сможем отрицать, что у них разный стиль философствования, и, стало быть, нет никакого резона на основании указанной общей черты относить Декарта к аналитическим философам. Это все простые и довольно очевидные вещи, хорошо известные тем, кто занимается и интересуется историей философии, но о них приходится говорить, поскольку некоторые современные исследователи аналитической философии действительно чрезмерно увлеклись идеей того, что нужно и в принципе возможно в кратком описании или определении выразить специфику того или иного философского течения.

Во-вторых, если рассматривать стиль философствования в его интериоризованном виде, то очевидно, что философы овладевают им и затем применяют его по большей части в виде практического знания («знания-как»). Они овладевают им в процессе обучения у своих учителей, в процессе чтения соответствующей литературы, в ходе участия в дискуссиях и в других видах деятельности. Такое практическое знание часто является неявным и невербальным (хотя и поддающимся вербализации). Возможно, применительно к стилю философствования такого рода знание лучше охарактеризовать как «личностное» в том смысле, какой этому выражению придал М. Полани. Признавая личностное знание проявлением «неизреченного интеллекта», Полани вместе с тем показал, что оно не сводится к совокупности, пусть и очень сложных и разнообразных, навыков (как применять формулы, как проводить эксперимент, как формулировать проблему и т. п.); оно охватывает и более глубокий уровень основополагающих идей, принципов, норм и т. п.¹⁷. Хотя Полани разработал понятие личностного знания применительно к науке, естественно признать, что такое знание существует и в других сферах человеческой деятельности, включая философию. К тому же обращение к понятию личностного знания при характеристике стиля философствования, на мой взгляд, оправдано потому, что оно лучше увязывается с трактовкой стиля философствования как «сложного конструкта».

Хоть это и не сильный довод, но в пользу того, что специфику аналитической философии определяет именно стиль философствования, говорит то обстоятельство, что аналитические философы способны распознать своих коллег-аналитиков главным образом не по отстаиваемым ими идеям и концепциям (в силу их великого разнообразия), а по тем многочисленным и порой незначительным признакам, в которых проявляется стиль философствования, – по манере рассуждать и формулировать мысли, по тщательно выстраиваемому обоснованию, по характеру обсуждаемых проблем, по сти-

¹⁷ Как пишет Полани, личностное знание – это «искусные действия и искусные знания», которые «стоят за всяким использованием научных формул, но простираются гораздо дальше, без помощи какого бы то ни было формализма создавая те фундаментальные понятия, которые служат основой восприятия нашего мира» (Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985. С. 101).

листике написания статей и многому другому. А поскольку часто в своих оценках какого-либо философа как аналитического они опираются на неявное личностное знание, им бывает затруднительно точно указать, на каких основаниях они вынесли такую оценку.

И наконец, в-третьих, стиль философствования способен обеспечивать единство динамически развивающегося философского движения, поскольку сам может обогащаться. Это обусловлено тем, что, будучи сложным образованием, он состоит из элементов, которые находятся не в столь жестких отношениях, как, скажем, элементы теоретических или доктринальных систем. Если последние, как правило, связаны отношениями логической совместимости, непротиворечивости и выводимости, что значительно сужает диапазон возможных дополнений и расширений данных систем, то стиль философствования демонстрирует значительно большую степень свободы и вариативности изменения. Поскольку он в основном объединяет в себе разнообразные регулятивы, нормы и правила, одно из основных требований к ним состоит в том, чтобы они не предписывали идущие вразрез друг с другом действия. Таким образом, если взять, к примеру, логический позитивизм и философию обыденного языка, то при всех их теоретических, концептуальных и методологических различиях их вполне может объединять общий стиль философствования, поскольку даже если регулятивы и нормы, в соответствии с которыми осуществляется философствование их представителей, совпадают не полностью, их несовпадающие части могут быть включены в структуру их общего стиля философствования как вариативные возможности.

Итак, понятие стиля философствования вполне может быть тем, что выражает специфику и выполняет роль объединяющего начала аналитической философии, а это, как справедливо отмечает Грязнов, «позволяет включать в аналитическую философию весьма разнообразные явления»¹⁸. Однако здесь возможно возражение: да, допустим, это можно сделать, но вопрос лишь в том, нужно ли это делать. Ведь можно поступить иначе. Выше я уже ссылаюсь на предложение Хакера ограничить аналитическую философию довольно узкими рамками. По его мнению, «аналитическая философия процветала в разнообразных формах с 1910-х по 1970-е гг.»¹⁹. Соответственно, в его список не попали ни американские аналитические философы неопрагматистского толка (Куайн, Гудмен, Дэвидсон, Патнэм, Крипке и др.), ни постпозитивисты, ни тем более последующие философы, которые продолжают причислять себя к аналитическому движению. Хакер мотивирует это тем, что, скажем, Куайн, по его мнению, был первым «ниспровергателем» аналитической философии, а стало быть, все его последователи постарались довести это разрушение до конца. В результате в последней четверти XX в. аналитическая философия утратила свой отличительный «профиль», «сохранив имя во многом благодаря своей генеалогии, интересам, которые она разделяет с предшествующей традицией, и противопоставлению определенным формам континентальной философии»²⁰. В конце концов, отмечает Хакер, «аналитическая философия» – это довольно новый специальный термин (*term of art*) в философском обиходе; нет смысла ориентироваться на то, как он употребляется, ибо в его случае устоявшегося, всеми признанного употребления нет; стало быть, «мы воль-

¹⁸ Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. С. 14.

¹⁹ Hacker P. Analytic philosophy: what, whence, and whither? P. 3.

²⁰ Ibid.

ны придать этому понятию какую угодно форму»²¹. В итоге хотя аналитическую философию и не получится представить как философское направление в его традиционном понимании, тем не менее она приобретает более четкие контуры «динамичного исторического движения».

На мой взгляд, эта «половинчатая» позиция не дает нам каких-либо преимуществ. Аналитическая философия так и осталась совокупностью «измов»²². Вызывают сомнение и те критерии отбора, по которым одни «измы» могут быть включены в «динамическое историческое движение», а другим в этом отказано. Почему, скажем, философы обыденного языка, кардинально разошедшиеся с Расселом и логическими позитивистами в трактовке языка и способах его анализа, подвергнувшие резкой критике теорию дескрипций Рассела, отказавшиеся от сциентизма и редукционизма, оставлены в аналитической традиции, тогда как, например, Куайн, считавший Карнапа своим учителем, сохранивший верность верификационизму и формально-логическому анализу, уподоблявший философию науке, объявлен ее ниспровергателем. Конечно, Куайн был последовательным и жестким критиком логического эмпиризма (позитивизма), но философы обыденного языка ему в этом не уступали; более того, они критиковали не менее фундаментальные положения этого учения. Правда, в последнее время некоторые исследователи склонны видеть в Куайне, Дэвидсоне и других американских философях второй половины XX в. представителей неопрагматизма, а не аналитической философии. Я не буду здесь касаться вопроса о том, насколько такой взгляд оправдан, но ведь и в отношении принадлежности позднего Витгенштейна к аналитической традиции высказывается немало сомнений, тем не менее Хакер не исключает его из своего списка. На мой взгляд, это говорит о том, что его критерии отбора во многом опираются на личные предпочтения.

Однако, главное, если установить границы аналитического движения так, как предлагает Хакер, то многие процессы, происходившие, как обычно считается, на почве именно этого движения, утрачивают свою внутреннюю «логику» и лишаются своего «естественного» объяснения. Как известно, во второй половине XX в. аналитическая философия подверглась столь кардинальным изменениям, что при их описании часто используют слова «поворот» и «революция»: «метафизический поворот» (реабилитация онтологических и метафизических исследований), «когнитивная революция» (отказ

²¹ Hacker P. Analytic philosophy: what, whence, and whither? P. 14.

²² Следует сказать, что таковой она была с момента ее возникновения. Логический атомизм Рассела и Витгенштейна, неореализм Мура, логический позитивизм Венского кружка так же нельзя привести к общему знаменателю (в доктринальном, да и в методологическом плане), как и все последующие «измы», появляющиеся в рамках аналитической философии. Хотя ее основоположники осознавали, что занимаются «общим делом», сходство в их подходах можно обнаружить главным образом в применяемой технике анализа, да и то если она описывается в очень обобщенном виде. Как замечает Дж. Урмсон в книге «Философский анализ. Его развитие между двумя мировыми войнами», поскольку концепции анализа опирались либо на метафизическое учение логического атомизма, либо на антиметафизические учения логических позитивистов, либо на аналитическую практику Мура, «не имеющую под собой никакой ясно определяемой догматической основы», общим в техниках анализа было лишь то, что он «по крайней мере включал попытку переписать, используя другие и в какой-то мере более подходящие термины, те высказывания, которые... [эти философы] находили философски запутывающими» (Urmson J.O. *Philosophical Analysis. Its Development Between the Two World Wars*. L.; Oxf.; N. Y., 1956. P. vii). Если же приписывать данным философам большее сходство, то это неизбежно ведет к искажению их взглядов. Примером такого искажения является отнесение Рассела, Мура и Витгенштейна, наряду с членами Венского кружка, к «неопозитивизмам», что до сих пор довольно часто встречается в наших учебниках по философии.

от отождествления мышления и языка), «историко-философский поворот» (возрождение интереса к истории философии) и т. п. В этих изменениях можно видеть либо точки разрыва с аналитической традицией, либо моменты трансформации, пусть и коренной, самой этой традиции. Если бы был верен первый подход, то философы, совершившие эти кардинальные изменения, должны были бы так или иначе заявить о своей оппозиции аналитической философии в целом, но они, как правило, отвергали лишь какие-то отдельные принципы, учения или подходы, сохраняя приверженность другим. Конечно, этот тезис требует более досконального обоснования, но здесь я могу сослаться только на некоторые примеры. Так, Дж. Сёрл, один из участников «когнитивного поворота», отнюдь не отказался при этом от своей аналитической философии языка. П. Стросон, создатель дескриптивной метафизики, не считал отказ от антиметафизической установки чем-то таким, что подрывает аналитическое движение. И наконец, Дж. Ролз, показавший в своей «Теории справедливости», что в политической философии и этике можно заниматься не только анализом соответствующих понятий и аргументов, но и содержательными вопросами, совершил, по сути, очередную «революцию», но воспринимал ее как развитие аналитической философии, а не отказ от нее.

Второй же подход позволяет видеть в аналитическом движении «длющуюся уже более ста лет дискуссию с опровержением исходных положений, корректировкой и выдвиганием альтернатив»²³. Более того, указанные трансформации имели последствия, которые не возникли ни в одном другом философском течении современности, кроме аналитической философии. Во-первых, из узкоспециализированного предприятия, каким она была в самом начале, аналитическая философия постепенно превратилась в чрезвычайно широкое и разнообразное поле исследований, охватывающее практически все отрасли философского знания; по словам Н.С. Юлиной, «сегодня ее предметная область может быть какой угодно – язык, знание, сознание, наука, история, Бог»²⁴.

Во-вторых, не только расширился круг проблем, обсуждаемых философами-аналитиками, но и стал более разнообразным их характер. Как известно, объявив о своем полном разрыве со старой спекулятивной метафизической традицией, аналитические философы подвергли скрупулезной ревизии проблемы классического философствования: одни они признали «псевдопроблемами», обнаружив их источник в несовершенной логике или в злоупотреблениях языком, другие переформулировали и попытались решить новыми средствами. Шаг за шагом они перешли от проблем, возникающих в ходе логического или концептуального анализа языка той или иной отрасли знания, к вопросам «по существу» (например, «что такое сознание?», а не просто «как нам следует говорить о сознании?»). В результате, как отмечает Грязнов, «именно аналитическая философия в нашем столетии более, чем другая философская традиция, наследует идеи и принципы классического философствования. Она становится связующим звеном, обеспечивающим преемственность философского знания»²⁵.

В-третьих, гигантски выросшая специализация и профессионализация деятельности философов, затронувшая практически всю мировую философию, лишь в рамках аналитического движения привели к становлению, так

²³ Юлина Н.С. Философская мысль в США. XX в. М., 2010. С. 273.

²⁴ Там же.

²⁵ Грязнов А.Ф. Феномен аналитической философии в западной культуре XX столетия // Вопр. философии. 1996. № 4. С. 40.

сказать, псевдодисциплинарной структуры²⁶. Если раньше преобладающим принципом распределения философов по группам была их принадлежность к определенному «изму», то теперь она уступила место иному принципу, связанному с занятостью философа в той или иной предметной области. В итоге эпистемология, онтология, философия науки, философия сознания, философия языка и т. п. приобрели статус более или менее устойчивых структурных образований (что-то вроде «течений»), конституирующихся вокруг соответствующих дискуссий.

В-четвертых, удивительней всего, что в каждой из этих «псевдодисциплин» может быть представлена богатая палитра альтернативных, порой противоположных, точек зрения. Безусловно, есть ограничения на возможные точки зрения, главное из которых – соответствие канонам аналитического стиля философствования, но это не препятствует тому, что «аналитики могут быть материалистами и идеалистами, метафизиками и антиметафизиками, менталистами и антименталистами, реалистами и антиреалистами, религиозно верующими и атеистами»²⁷. Таким образом, мир аналитической философии является практически самодостаточным миром.

Ясно, что разнообразие, которое вмещает в себя аналитическая философия, не может не поражать, но тем не менее в этом разнообразии есть объединяющее начало, иначе было бы нельзя отличить философа-аналитика от не-аналитика. Единственным претендентом на роль объединяющего начала в таком разнообразии может быть стиль философствования. В своей статье я попыталась показать, что только это понятие позволяет адекватно очертить границы аналитического движения и понять его важные достижения, изменившие облик современной философии. Очевидно, что в историко-философском плане аналитическая философия представляет собой очень необычное явление, полное осмысление которого еще далеко до своего завершения.

И последнее замечание. Есть печальная ирония в том, что аналитическая философия, известная своим пренебрежительным отношением к истории философии, пострадала именно от историков философии. Они подошли к ней с теми же мерками, с какими аналитики подходили к философам прошлого, и, как следствие, она превратилась в «иллюзию» или оказалась загнанной в неподобающие ей узкие рамки.

Список литературы

- Вригт Г.Х. фон.* Аналитическая философия: историко-критический обзор / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой // Кантовский сборник. 2013. № 1(43). С. 78–89; № 2(44). С. 69–82.
- Грязнов А.Ф.* Феномен аналитической философии в западной культуре XX столетия // *Вопр. философии.* 1996. № 4. С. 37–47.
- Грязнов А.Ф.* Аналитическая философия. М.: Высшая школа, 2006. 374 с.
- Джохадзе И.Д.* Аналитическая философия сегодня: кризис идентичности // *Логос.* 2016. Т. 26. № 5. С. 1–18.
- Никифоров А.Л.* Аналитическая философия // *Энциклопедия эпистемологии и философии науки* / Под ред. И.Т. Касавина. М.: Канон+; Реабилитация, 2009. С. 49–51.
- Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1985. 344 с.

²⁶ Безусловно, эта структура чрезвычайно далека от дисциплинарного строения наук; она лишь слегка напоминает ее.

²⁷ *Юлина Н.С.* Философская мысль в США. С. 273.

Порус В.Н. Стиль научного мышления // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Под ред. И.Т. Касавина. М.: Канон+; Реабилитация, 2009. С. 931–933.

Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / Пер. с англ., нем. и польск. яз. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. 220 с.

Юлина Н.С. Философская мысль в США. XX в. М.: Канон+; Реабилитация, 2010. 600 с.

Dummett M. Origins of Analytic Philosophy. L.: Duckworth, 1993. 212 p.

Glock H.-J. What is Analytic Philosophy? Camb.: Cambridge University Press, 2008. 293 p.

Hacker P. The Rise of Twentieth Century Analytic Philosophy // The Rise of Analytic Philosophy / Ed. by H.-J. Glock. Oxf.: Blackwell, 1997. P. 51–76.

Hacker P. Analytic philosophy: what, whence, and whither? // Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes / Ed. by A. Biletzki, A. Matar. L.: Routledge, 1998. P. 3–34.

Monk R. What is Analytical Philosophy? // Bertrand Russell and the Origins of Analytic Philosophy / Ed. by R. Monk and A. Palmer. Bristol: Thoemmes Press, 1996. P. 1–23.

Monk R. Was Russell an Analytic Philosopher? // The Rise of Analytic Philosophy / Ed. by H.-J. Glock. Oxf.: Blackwell, 1997. P. 35–50.

Pap A. Elements of Analytical Philosophy. N. Y.: Macmillan, 1949. 548 p.

Preston A. Analytic Philosophy: The History of an Illusion. L.: Continuum, 2007. 191 p.

Preston A. The Implications of Recent Work in the History of Analytic Philosophy // Bertrand Russell Society Quarterly. 2005. No. 125. P. 11–30.

Stroll A. Twentieth-Century Analytic Philosophy. N. Y.: Columbia University Press, 2000. 304 p.

Urmson J.O. Philosophical Analysis. Its Development Between the Two World Wars. L.; Oxf.; N. Y.: Oxford University Press, 1956. 202 p.

Analytic philosophy as a historico-philosophical phenomenon*

Lolita B. Makeeva

National Research University Higher School of Economics. 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: lmakeeva@hse.ru

During last decades, analytic philosophy, its distinctive features, sources and main figures have become a subject of a wide and intensive discussion. Having been the predominant philosophical movement in the XXth century, analytic philosophy was represented by some researchers as a very problematic phenomenon – with the uncertain past, the present crisis condition and without any prospects in future. Thus, according to A. Preston and H.-J. Glock, analytic philosophy only existed as a kind of illusion, that is, because some thinkers believed in its existence. The present paper argues that these skeptical conclusions were received since, firstly, analytic philosophy was treated as a philosophical school or movement, associated with a certain position, and, secondly, it was mistakenly supposed that a philosophical school can be given a definition as a set of necessary and sufficient conditions for belonging to that school. Analytic philosophy is a different kind of historico-philosophical phenomenon which should be described, following the leading Russian historians of philosophy, as a movement having a distinctive style of philosophizing. The paper shows how that notion can be elaborated relying on L. Fleck's idea of "thought style" and M. Polanyi's conception of "personal knowledge". Also, with the help of that notion P. Hacker's proposal to significantly restrict analytic philosophy in space and time is criticized. It is argued that, if it is considered in such a way, many important achievements and distinctions of analytic philosophers cannot be properly appreciated.

* The research has been financed within the program of state support of the leading universities of the Russian Federation "5-100".

Keywords: analytic philosophy, history of philosophy, style of philosophizing, philosophical school, philosophical movement, thought style, personal knowledge

References

- Dummett, M. *Origins of Analytic Philosophy*. London: Duckworth, 1993. 212 pp.
- Dzhokhadze, I. D. "Analiticheskaya filosofiya segodnya: krizis identichnosti" [Analytic Philosophy Today: Identity Crisis], *Logos*, 2016, Vol. 26, No. 5, pp. 1–18. (In Russian)
- Fleck, L. *Vozniknovenie i razvitie nauchnogo fakta: Vvedenie v teoriyu stilya myshleniya i myslitel'nogo kollektiva* [Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache: Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv]. Moscow: Ideya-Press; Dom intellektual'noi knigi Publ., 1999. 220 pp. (In Russian)
- Glock, H.-J. *What is Analytic Philosophy?* Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 293 pp.
- Gryaznov, A. F. "Fenomen analiticheskoi filosofii v zapadnoi kul'ture XX stoletiya" [Phenomenon of Analytic Philosophy in the Western Culture of XX century], *Voprosy filosofii*, 1996, No. 4, pp. 37–47. (In Russian)
- Gryaznov, A. F. *Analiticheskaya filosofiya* [Analytic Philosophy]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2006. 374 pp. (In Russian)
- Hacker, P. "The Rise of Twentieth Century Analytic Philosophy", *The Rise of Analytic Philosophy*, ed. by H.-J. Glock. Oxford: Blackwell, 1997, pp. 51–76.
- Hacker, P. "Analytic philosophy: what, whence, and whither?", *Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes*, ed. by A. Biletzki, A. Matar. London: Routledge, 1998, pp. 3–34.
- Monk, R. "What is Analytical Philosophy?", *Bertrand Russell and the Origins of Analytic Philosophy*, ed. by R. Monk and A. Palmer. Bristol: Thoemmes Press, 1996, pp. 1–3.
- Monk, R. "Was Russell an Analytic Philosopher?", *The Rise of Analytic Philosophy*, ed. by H.-J. Glock. Oxford: Blackwell, 1997, pp. 35–50.
- Nikiforov, A. L. "Analiticheskaya filosofiya" [Analytic Philosophy], *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science], ed. by I. T. Kasavin. Moscow: Kanon+ Publ.; Reabilitatsiya Publ., 2009, pp. 49–51. (In Russian)
- Pap, A. *Elements of Analytic Philosophy*. New York: Macmillan, 1949. 548 pp.
- Polanyi, M. *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoi filosofii* [Personal Knowledge. Towards a post-critical philosophy]. Moscow: Progress Publ., 1985. 344 pp. (In Russian)
- Porus, V. N. "Stil' nauchnogo myshleniya" [Style of Scientific Thinking], *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science], ed. by I. T. Kasavin. Moscow: Kanon+ Publ.; Reabilitatsiya Publ., 2009, pp. 931–933. (In Russian)
- Preston, A. "The Implications of Recent Work in the History of Analytic Philosophy", *Bertrand Russell Society Quarterly*, 2005, No. 125, pp. 11–30.
- Preston, A. *Analytic Philosophy: The History of an Illusion*. London: Continuum, 2007. 191 pp.
- Stroll, A. *Twentieth-Century Analytic Philosophy*. New York: Columbia University Press, 2000. 304 pp.
- Urmson, J. O. *Philosophical Analysis. Its Development Between the Two World Wars*. London; Oxford; New York: Oxford University Press, 1956. 202 pp.
- Wrigt, G. H. von. "Analiticheskaya filosofiya: istoriko-kriticheskii obzor" [Analytic philosophy: a historico-critical survey], trans. by L. B. Makeeva, *Kantovskii sbornik*, 2013, No. 1(43), pp. 78–89; No. 2(44), pp. 69–82. (In Russian)
- Yulina, N. S. *Filosofskaya mysl' v SShA. XX vek* [Philosophical Thought in the USA. XX Century]. Moscow: Kanon+ Publ.; Reabilitatsiya Publ., 2010. 600 pp. (In Russian)